

**ЛУННЫЙ СВЕТ,
ЧУДЕСА, МОШКИ
И НЕЛЕПИЦА**

Меня зовут Мина, и я люблю ночь. Ночью, когда мир спит, кажется, что может произойти всё что угодно. В доме темно и тихо, но если прислушаться, я явственно различаю стук собственного сердца: тук-тук-тук. Скрип и шорохи дома я тоже слышу. Ещё я слышу маму — она тихонько дышит во сне в соседней комнате.

Я выскальзываю из постели, сажусь за стол у окна и приоткрываю занавеску. Посреди неба — полная луна. Она купает мир в серебристом свете. Свет льётся на Соколиную улицу и на другие дома и улицы, на крыши и шпили города, на далёкие горы и долины. Он льётся через окно в мою комнату. На меня.

Говорят, на лунный свет смотреть опасно, лучше от-
вернуться. Иначе можно сойти с ума.

Ну а я поворачиваюсь к луне, смеюсь и шепчу:

— Давай же! Сделай, чтобы Мина сошла с ума!

И опять смеюсь.

А некоторые думают, что Мина и так безумица, без всякой луны.

Я гляжу во тьму. И вижу летучих мышей — они порхают на фоне лунного диска. И сов вижу. А где-то внизу крадётся мой кот, Шепоток. Я закрываю глаза, и теперь все эти существа крадутся, порхают и машут крыльями внутри меня. Не снаружи, а внутри! Словно я сама — какое-то причудливое существо. Девочка по имени Мина и ог-

новременно нечто совсем другое, не просто девочка по имени Мина.

На столе, залитый лунным светом, лежит чистый блокнот. Он давно тут лежит, целую вечность. Я же давно собираюсь вести дневник. Вот сейчас и начну, прямо сейчас. Я открываю блокнот и пишу на первой странице:

МЕНЯ ЗОВУТ МИНА, И Я ЛЮБЛЮ НОЧЬ.

Так, а дальше-то что? Не могу же я писать, что в такой-то день случилось ЭТО, а в такой-то час ТО, и так — до бесконечности. Нет уж! Пусть мой дневник растёт, как человек. Как дерево или зверь. Как жизнь. Она ведь не едет из пункта А в пункт Б. Дневник — не прямая линия.

Слова должны бродить извилистыми тропами. Должны тяжело махать крыльями — как совы. Порхать — как летучие мыши. Красться — как кошки. Слова должны шептать и кричать, танцевать и петь.

А иногда слова вообще не нужны.

Нужна тишина.

Только чистое белое пространство.

В моём дневнике будут страницы, похожие на небо с одной-единственной птицей. А на других страницах поместятся целые стаи птиц, тучи птиц. Скворцов. А предложения у меня будут — как сжатый кулак. Как линии на открытой ладони. Как узор. Как рой пчёл, как мальки на мелководье, как мозаика. Мои слова будут — как цирк, как зверинец. Как дерево. Как гнездо. Потому что в голове у меня всё именно так. Там никто не ходит строем. Там всё — хаос. Это — мой ум, но он мало чем отличается от любого другого. Потому что у каждого человека, который жил, живёт и будет жить на свете, в голове хаос. Удивительный хаос. Место для чудес.

ГОЛОВА — МЕСТО ДЛЯ ЧУДЕС!

ГОЛОВА

ГОЛОВА — МЕСТО ДЛЯ ЧУДЕС!

МЕСТО

ГОЛОВА — МЕСТО ДЛЯ ЧУДЕС!

ДЛЯ ЧУДЕС!

Когда я ещё ходила в школу, в среднюю школу Святого Бига, моя учительница миссис Черепенс говорила, что вообще нельзя ничего писать, пока не придумаешь план. Какая ерунда!

Разве я придумываю план фразы, прежде чем её произнести?

КОНЕЧНО НЕТ!

Разве птица придумывает план песни, прежде чем её спеть?

КОНЕЧНО НЕТ!

Птица открывает клюв и — ПОЁТ!

Я ТОЖЕ БУДУ ПЕТЬ!

Мне хотелось быть хорошей девочкой. Все говорят: надо быть хорошей девочкой. И я очень старалась. Однажды утром я сидела в классе, и в окно светило солнце. А за окном летали мошки. Летали и замирали в столбе света — серебриющимся облаком. Миссис Черепенс в это время объясняла, что мы будем сейчас писать рассказ. Каждый — свой рассказ. А начать надо с чего? Правильно! С плана!

— Это понятно? — спросила она.

— Конечно понятно, — ответили мы.

Тогда я перестала смотреть на мошек (хотя это было очень интересно) и написала план. У моего рассказа будет вот такое название. Начинаться он будет так. В середине произойдёт вот это. А окончится всё вот так. Я записала план очень-очень аккуратно.

И показала его миссис Черепенс. План ей понравился. Она даже улыбнулась мне и сказала:

— Умница, Мина. Хороший план. Теперь можешь написать рассказ.

Но когда я начала писать, рассказ не захотел идти по плану. Слова не слушались, они танцевали и замирали в столбе света, как мошки. А потом разлетелись по причудливым траекториям в разные стороны. И рассказ мой вместе с ними. В совершенно неожиданных направлениях. Мне рассказ очень понравился, но миссис Черепенс рассердилась. Взяла мой план в одну руку, рассказ в другую и стала сличать.

— Тут нет ничего общего! — провозгласила она скрипучим голосом.

— Вы о чём? — спросила я.

Она наклонилась над моей партой и произнесла медленно и чётко, специальным голосом для тупых:

— Твой рассказ не сходится с планом.

— Он не захотел сходиться.

— Кто «он»? Что ты несёшь?

— Я несу, что рассказ не захотел сходиться с планом.

Чернушка упёрла руки в боки и покачала головой:

— Это твой собственный рассказ. Твой. Он будет делать всё, что ты сама захочешь. Что ты ему прикажешь.

— Нет, он не хочет. — Я говорила и видела, как дагровеют её щёки. — И, знаете... я тоже не хочу. Не хочу по плану.

Зря я, конечно, это сказала.

Учительница швырнула мне на парту и план, и тетрадь с рассказом.

— Вот в этом ты вся, Мина, — сказала она. — Типичная Мина МакКи. Абсолютно типичный случай.

И отвернулась. И попросила Саманту прочитать вслух то, что у неё получилось. А получилось у неё что-то дурацкое про чудо-девочку с кудряшками и про её миленькую кошечку, и всё это было расписано идеально по плану, и ничего там неожиданного не происходило. Там вообще ничего не происходило!

Одноклассники, разумеется, похихикали. Надо мной. Тогда же у меня появилась кличка. Даже две. Типичная МакКи и Абсолютно Типичный Случай.

Ха-ха! Это я-то типичный случай?!

Мои рассказы были точь-в-точь как я сама. Ничему не соответствовали, никого не слушались. Я пыталась быть хорошей девочкой. Но давалось мне это тяжело. И было как-то уныло. А закончилось всё, когда я перестала быть типичной. Отличные прозвища: Белиберда и Нелепица. Фантастическая Нелепица. Но об этом я расскажу потом. Когда наступит подходящее время и подберутся подходящие слова. И про всё остальное расскажу. Из того, что важно. Про день, который я провела на Коринфском проспекте, про мои видения, про путешествие в подземное царство в Хестон-парке, про сов в старом дедушкином доме. Ещё я тут буду писать стихи и рисовать — каракули и всякую чепуху. Иногда в бессмыслице самый смысл! А в нелепице вообще лепота. «Лепота» по-старинному «красота». Так оно и есть! Просто вслушайтесь!

Не-ле-пи-ца!

Какое потрясающее слово! Просто дух захватывает!

НЕЛЕПИЦА

Хорошо, что я наконец, начала писать дневник! До чего же приятно, что впереди столько пустых, чистых страниц. Словно я отправилась в путешествие, где каждое слово — шаг в неведомое.

Как интересно цепляются друг за дружку слова! Как они заполняют собой пространство! Неужели Бог ощущал перед началом творения то же самое, что я сейчас? И есть ли Он, этот Бог? И была ли пустой та пустота, которую Он заполнил? Я не знаю ответов, но ведь думать об этом не запретишь?*

* Думать не запретишь. Думать — как путешествие, только в голове, а не в пространстве. И конечно, не из пункта А в пункт Б, а по извилистым, путаным тропинкам. Так что я вечный путник и путаник.

Иногда я смотрю на мир и удивляюсь: откуда всё это
взялось?

ПОЧЕМУ ТУТ ЕСТЬ ХОТЬ ЧТО-ТО?

ПОЧЕМУ ТУТ ЕСТЬ НЕЧТО,

А НЕ ПУСТОТА?

ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ?

ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ?

А ДО ТОГО КАК ПОЯВИЛОСЬ ЭТО

Н Е Ч Т О,

БЫЛО НИЧТО?

И ПОТОМ ЭТО НИЧТО

ПРЕВРАТИЛОСЬ В НЕЧТО?

И ЕСЛИ НИЧТО ПРЕВРАТИЛОСЬ

В НЕЧТО,

КАК ЕМУ ЭТО УДАЛОСЬ?

ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ?

Над кроватью у меня висит листок с девизом:

Познавши счастье в поднебесье, как может птица в клетке петь?

Это из Уильяма Блейка. Блейка-отщепенца. Блейка, который всегда сам по себе. Совсем как я.

Он был художник и поэт, а некоторые считали его сумасшедшим. Про меня тоже так говорят. Может, он слишком часто смотрел на луну? Иногда он ходил вовсе без одежды. И видел ангелов прямо у себя в саду. Он всё время видел духов вокруг себя, со всех сторон. Я, кстати, думаю, что он был совсем не сумасшедший, а вполне разумный человек. И моя мама так думает. И папа тоже так думал. Я буду писать дневник и вспоминать Блейка. Конечно, я буду писать и о грустном, потому что в жизни много грустного. И в моей тоже, хотя не так уж много.

Но у меня случилось **ОДНО ГРУСТНОЕ И УЖАСНОЕ СОБЫТИЕ**. Как ни странно, из-за этого события всё остальное в моей жизни — хорошее и счастливое — воспринимается сильнее. Лучше и счастливее. Интересно, у других людей тоже так? Их горести тоже помогают им радоваться? Я знаю, что пишу сейчас странную вещь. Это называется «парадокс».